

С.А. Смирнов

© Смирнов С.А., 2023

М.М. БАХТИН КАК АВТОР И ГЕРОЙ АВТО(БИОГРАФИИ)

Аннотация. В статье представлена попытка осмысления проблемы создания научной биографии философа. При традиционном понимании научных биографий те принципы научности, которые проповедуются их авторами (точность, полнота, достоверность, объективность), начинают испытываться на прочность при написании биографий таких авторов, как М.М. Бахтин. Автор статьи показывает, что в таком случае необходимо выработать метод биографического рассказа, адекватный его герою. В случае, когда документы всегда не полны и не точны, биографу необходимо выстраивать иной метод, больше похожий на феноменологическое самоограничение, воздержание от собственных проекций и конструкций и больше прислушиваться к интонации своего героя, помогающей проникать в то время, в которое он жил, и становиться свидетелем того времени. Автор биографии должен воссоздать атмосферу того времени, в котором жил его герой, с тем, чтобы оно само, время, заговорило его голосом.

Ключевые слова: биография; автор; герой; время; интонация; М.М. Бахтин; Ю.М. Лотман; Б. Пастернак.

Получено: 22.11.2022

Принято к печати: 16.12.2022

Информация об авторе: *Смирнов* Сергей Алевтинович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, ул. Николаева, 8, 630090, Новосибирск, Россия.

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

Для цитирования: *Смирнов С.А.* М.М. Бахтин как автор и герой авто(биографии) // Литературоведческий журнал. 2023. № 1(59). С. 22–35. DOI: 10.31249/litzhur/2023.59.02

Sergei A. Smirnov

© Smirnov S.A., 2023

M.M. BAKHTIN AS AUTHOR AND HERO OF AUTO(BIOGRAPHY)

Abstract. The article presents an attempt to comprehend the problem of creating a scientific biography of a philosopher. With the traditional understanding of scientific biographies, the principles of scientificity that are preached by their authors (accuracy, completeness, reliability, objectivity) begin to be tested for strength when writing biographies of authors such as Bakhtin. The author of the article shows that in this case it is necessary to develop a method of biographical story that is adequate to its hero. In the case when documents are always incomplete and inaccurate, the biographer needs to build a different method, more like phenomenological self-restraint, refraining from his own projections and constructions and listening more to the intonation of his hero, which helps to penetrate into the time in which he lived and become witness of that time. The author of the biography must recreate the atmosphere of the time in which his hero lived, so that time itself, time, speaks with his voice.

Keywords: biography; author; hero; time; intonation; M.M. Bakhtin; Yu.M. Lotman; B. Pasternak.

Received: 22.11.2022

Accepted: 16.12.2022

Information about author: *Sergei A. Smirnov*, DSc in Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaev Street, 8, 630090, Novosibirsk, Russia.

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

For citation: Smirnov, S.A. "M.M. Bakhtin as Author and Hero of Auto(biography). *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(59), 2023, pp. 22–35. DOI: 10.31249/litzhur/2023.59.02

1. Настройка оптики

Разговор о научной биографии таких авторов, как М.М. Бахтин, требует особой оптики. Строго говоря, обсуждать научную биографию того, кто сам чуть ли не стирал свою личную историю, уходил сознательно в тень, категорически выступал против собственной биографии, не просто проблематично, но едва ли возможно.

Проблематичность начинается с самого начала, с самих подступов и с самой настройки нашей оптики.

Если мы говорим о научной биографии, то что мы имеем в виду? Какие критерии научности мы подкладываем под свои представления? Научность, очевидно, предполагает точность, достоверность, объективность, доказательность, документальное подтверждение событий. Научная биография исторического лица предполагает рассказ о его жизни, подтвержденный документами, свидетельствами, артефактами (рукописями, вещами, рассказами современников и т.д.).

Вместе с тем когда мы подходим с этими представлениями о научности к таким авторам, как М.М. Бахтин, мы попадаем в ловушку. Что означает точность в рассказе о Бахтине? Точность свидетельства? Точность документального подтверждения? Или точность понимания мысли автора в момент ее возникновения, чего никакие документы не могут подтвердить? Дело ведь в том, что рассказ о М.М. Бахтине предполагает прежде всего предъявление свидетельства о рождении в нем Автора, о рождении в нем той незаместимой мысли, того «единого и единственного бытия-события», которое рождается в поступке Героя. Мы должны понимать его из его самого, понимать его жизнь-поступок в единстве слова и дела, мысли и слова, мысли и поступка. Но рассказ о Событии рождения в человеке Автора и постижение Истока этого рождения, вообще-то, в привычном, документально-объективном залоге невозможен, а значит, ненаучен. Рождение Автора событийно, но не объективно.

Но тогда разговор о таком понимании научности ставится под сомнение. Нужна в таком случае оптика, настраивающая нас не на противопоставление научности и ненаучности, объективности или субъективности. Нужна точность, адекватность взгляда того, кто вознамерился рассказать миру о рождении в человеке Автора, рассказать о Событии явления Героя, об иерофании, и тем самым о хронотопе жизни его мысли-дела, а значит, о его Месте в бытии, незаменимом и незаместимом.

В первом, привычном, документально-объективном смысле наш герой ничем не отличается от других, о которых также ведется рассказ в стиле серии ЖЗЛ. Здесь его биография тоже состоит из эпизодов, вещей, свидетельств, каких-то письменных источников,

рукописей, документов, которые потом собираются и образуют музей. И мы получаем километровые полки рассказов о замечательных людях. Собственно, по методу, подходу, эти многочисленные монографии ничем друг от друга не отличаются. Здесь биография летчика-испытателя, безусловно героя, и биография философа по существу ничем не отличаются. Только вот где это событие рождения мысли в жизни последнего? Ведь этот феномен с внешней стороны мало приметен. Философ не летчик-испытатель и не может показать то, как он совершал головокружительные полеты на новой модели самолета. Но головокружительные погружения и подъемы авторской мысли показать бы надо. И показать их в переплетении внешней канвы жизни, из которой напрямую мысль Автора невыводима. Как невыводимы и стихи поэта.

В данном случае, если мы хотим понять Исток творения личности, рождения Автора, мы не сможем ухватить саму событийность произошедшего, опираясь просто на внешние эпизоды жизни, подтвержденные документами.

В свое время В.В. Бибихин потому и выступил против биографического в научно-объектном смысле подхода, рассказа о философе, поскольку ничто в этой биографичности, в этой эмпирической жизни героя, в данном случае М. Хайдеггера, не показывает нам самого события рождения в нем философа [2]. Он в этой жизни – такой же обычный, смертный человек, даже обыватель. Тайну творения мы здесь не узрим, не постигнем. Никакая тайна творения не может быть постигнута набором эмпирических фактов и эпизодов, артефактов. Объяснять из обыденной жизни, а тем более выводить из эпизодов детства тайну рождения Автора, его идей, смыслов, – значит плодить иллюзии, заниматься проекцией. От повседневности к творению нет прямой связи и плавного перехода, утверждает В.В. Бибихин. Это же отмечал и Ю.М. Лотман, создавая биографию А.С. Пушкина.

Таким образом, мы имеем контроверзу между привычным научно-объектным подходом к биографии и поиском тайны рождения и истока творения мысли Автора. Впрочем, это не значит, что необходимо жертвовать одним ради другого. Мысль воплощается и выражается в слове, имеет свою плоть в речи, в высказывании. Поэтому сами по себе документы и свидетельства нужны, но они должны заговорить, задышать живым дыханием автора.

Задача исследователя в таком случае заключается в том, чтобы заставить эти документы заговорить Голосом времени, в котором рождается Автор.

А что это значит? Это значит, что самому исследователю-биографу предстоит поместить себя во Время, в то время, в котором жил и творил его Герой. Поместить, поставить себя в то место, из которого начинается рождение его Героя. И тем самым попытаться услышать его голос, постичь исток рождения его мысли. А значит, не просто рассказать эпизоды внешней биографии, а постичь Исток творения, его тайну.

И тогда, заметим, и начинают говорить тексты документов, они оживают, начинают дышать и от них начинает веять Временем, в котором жил наш Герой.

Хотя в данном случае наш герой, философ или поэт, живет в Большом времени.

«Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» – спрашивал Б. Пастернак.

2. Ю.М. Лотман. Сотворение Карамзина

Посмотрим на некоторые примеры.

Вот один из них – роман-реконструкция Ю.М. Лотмана о Н.М. Карамзине [5]. Известно, что биография последнего с внешней, событийной стороны, не отличалась особо выражениями судьбы, взлетами и падениями. Документов весьма мало, они почти отсутствуют. Ю.М. Лотман заметил, что если хочешь получить биографию в России, то ты должен вляпаться в историю, быть либо арестованным, либо сосланным, либо быть подвергнутым репрессиям, в общем, пострадать. В России любят пострадавших, жалеют. Что можно написать о том, кто не сидел, не воевал, не страдал? О том, о ком весьма мало свидетельств и документов? Есть реальный риск получения ненаучной биографии, поскольку биографу придется как бы додумывать историю своего героя. Такой герой неудобен, не интересен. Где события, скандалы, истории, происшествия, из которых, как принято думать, обычно и состоит биография?

Вспомним П.Я. Чаадаева. Биографу мало того, что тот написал свои «Философические письма». Нужен скандал. Но вот его

объявили сумасшедшим, посадили под домашний арест и заставили письменно отказаться от написания впредь новых сочинений. Вот и получил наш герой биографию.

Но ведь понятно, что это лишь внешняя канва. Его потому и объявили сумасшедшим, что в письмах автор позволил себе сказать такое, что получился скандал. Сначала случилась авторская мысль частного мыслителя. Сначала надо было вляпаться в историю, и тогда мы имеем явный повод для биографии героя.

«Какую биографию делают нашему рыжему», – говорила Анна Ахматова про Иосифа Бродского, когда тому объявили приговор – пять лет ссылки за тунеядство. За то, что поэт пишет стихи, он получил приговор. Хорошая история получилась.

Но эта внешняя канва мешает нам видеть главное – Героя во Времени. Он потому и вляпывается в историю, что начинает говорить на языке этого времени, ловить гул его, зов. И потому становится его рупором, органом. И потому кажется стороннему наблюдателю, соглядатаю, неуместным, но для Времени – его современником, т.е. Время начинает говорить его голосом.

Что и кто делает герою биографию? Внешне это выглядит так – его друзья, современники, собеседники, недовольная власть.

Но за этим стоит Исток, рождающийся в месте встречи Героя и Времени. Время дает зов, человек пытается на него откликнуться, удержать, войти в ритм времени, совершить на него отклик. У разных авторов при такой попытке получается по-разному. У одного голос срывается на ложный фальцет или невнятный шепот, а у другого воплощается в песню, звуки которой летят к «провиденциальным собеседникам» (О. Мандельштам), «поверх барьеров» (Б. Пастернак).

Ю.М. Лотман, когда приступал к биографии о Н.М. Карамзине, все это понимал. И потому попытался изобрести особый жанр – не биографический роман, не документальную повесть, а роман-реконструкцию, в котором он как бы творил своего героя, возрождал его, воссоздавал его духовный мир, заглядывая в его исток. И тогда мы получаем биографию как повесть об истоке творения того, в котором рождался Автор, здесь – Николай Карамзин.

А как это возможно? Только при одном условии. Если роман-реконструкция позволяет воссоздать Время и Место, в кото-

ром рождался Герой. Биограф начинает жить этим временем, дышать его воздухом, ходить по его местам, где ходил герой, смотреть на мир его глазами.

И тогда даже те немногие документы, которые есть в его распоряжении, начинают говорить, оживать, от них начинает веять воздухом того времени.

Ю.М. Лотман в связи с этим замечает, что не надо домысливать, додумывать, придумывать из-за недостатка документов. Документы всегда не полны, всегда частичны. Надо воссоздавать душевный мир героя. Мало иметь документы. Их надо оживить. Поэтому здесь работает воображение, но с учетом выполнения задачи – воссоздания душевного мира самого Автора. Поэтому он пишет не биографический роман, а роман-реконструкцию, т.е. пытается воссоздать целостность личности Героя [5, с. 12–14].

3. Борис Пастернак. «Охранная грамота»

Возьмем другой пример.

«Охранная грамота» – пожалуй, лучшее произведение Б. Пастернака в прозе. Эта автобиография хороша тем, что в ней поэт попытался не писать мемуар, не вспоминать сами по себе эпизоды жизни, стараясь отвечать задаче – рассказать, как было на самом деле, а прежде всего настроиться на ту интонацию, благодаря которой он воссоздает атмосферу, воздух того времени. Читатель, прикасаясь к этому произведению, при соответствующем настрое, подключаясь к этой интонации, попадает в то Время и начинает его видеть глазами автора, Бориса Пастернака.

Поэтому, конечно, к «Охранной грамоте» нельзя относиться как к документу или даже мемуару, в котором объективно отражена история. К ней нельзя относиться с точки зрения тех принципов научности, к которым мы привыкли (полноты, достоверности, точности).

Но поэта здесь интересует другое. Он пишет, спрашивая себя – как было возможно такое, что появилась его книга «Сестра моя жизнь»? Какая сила произвела эту книгу? Эта «сила безмерно больше меня и поэтических концепций» [7, с. 110].

Б. Пастернак понимал обозначенную нами дилемму – либо ты впадаешь в блестящую, искрящуюся событиями и скандалами

богемную жизнь поэта, выстраиваешь биографию как галерею зрелищ, путаясь в «зрительно-биографической эмблематике» и романтических описаниях, либо ты пытаешься понять, прикинуть к Истоку творения, постижению той Силы, которая дала книгу стихов [7, с. 109–110].

Что получается?

Если я пытаюсь составить сказ, рассказ про философа или поэта, то мне мало одной повседневности и эпизодов его эмпирической жизни, подтвержденных документами. Я вынужден постигать исток творения его самого и его произведений, порожденных от истока. Это означает не что иное, как постижение того Времени, которое порождает этот исток. В этом усилии по воссозданию истока я имею шанс уловить саму событийность мысли. Только она и делает личность мыслителя, на ней она держится: «Идея организовала его личность, не только ум, дала этой личности строй, архитектуру», – пишет О. Мандельштам о П.Я. Чаадаеве [6, с. 87].

Но что важно? Погружение во Время, в котором творил Автор, мой Герой, становится условием моего же собственного рождения как летописца того времени, как свидетеля того времени. Погружаясь в то время, я начинаю дышать воздухом того времени.

Этот воздух пусть будет свидетелем,
Дальнобойное сердце его –
И в землянках всеядный и деятельный –
Океан без окна, вещество...

О. Мандельштам

Но что означает это погружение во время по способу действия? По его смыслу? Это означает становление себя *органом видения*, органом этой оптики, с помощью которого я улавливаю гул времени, настраиваю свое *само-ощущение*. В автобиографии это делает сам автор. А в биографии Героя это делает реконструктор времени, его провиденциальный собеседник, становящийся свидетелем, восстанавливающим тем самым Время и Место, хронтоп, в котором жил его Герой.

Возвращаясь к М.М. Бахтину, спросим себя – что означает написание научной биографии Бахтина? Что означает научная биография его, философа, мыслителя, провидца, мысль которого неизмерима и вненаходима?

Автор «Михаил Бахтин» не может быть понят через призму самих по себе документов, свидетельств, воспоминаний. Никакие свидетельства и мемуары не дадут той точности понимания того, в которого ты всматриваешься, долго и пристально, но всякий раз начинаешь видеть не его, а свои проекции, видеть его чужими глазами. Как тот «человек у зеркала», смотрящий на себя не своими, чужими глазами, не видящий себя.

А документов всегда мало, они всегда не полны, не точны, они не могут быть избыточными, они не дают тебе целое видения, трансгредиентное целое видения твоего Героя. Ты его начинаешь препарировать, делать резекцию, интерпретировать, подстраивать под свою проекцию, удобную и привычную тебе. Биографический роман будет вымыслом. А документальная повесть рискует быть мертвым инвентарным списком без живого дыхания Героя.

Нужен Метод проникновения, соответствующий твоему Герою, его хронотопу.

Мне могут возразить. Мол, М.М. Бахтин – автор особый. И у него особая судьба. Он фактически уничтожил себя, убивал. Он прервал Большой разговор, начатый в «Философии поступка», прервал на полуслове, на взлете, не завершив Высказывания, оставшись в тени внутреннего личного слова. Ушел в Достоевского, как в эзотерику. Уехал в ссылку, физически и интеллектуально. Читал на курсах счетоводов в Кустанае лекции по бухучету. В Саранске преподавал историю литературы. А в конце жизни вспомнил, увидев рукопись, показанную ему С. Бочаровым, что, оказывается, она сохранилась: да, это моя философская антропология.

И с горечью вспоминал, как с самого начала, в «Проблемах творчества Достоевского», шел на компромисс, изворачивался, признаваясь С.Г. Бочарову: «Все, что было создано за эти полвека на этой безблагодатной почве под этим несвободным небом, все в той или иной степени порочно. <...> Я <...> не мог прямо говорить о главных вопросах <...> – о философских, о том, чем мучился Достоевский – существованием Божиим. Мне <...> приходилось все время вилять – туда и обратно. Приходилось за руку себя дер-

жать» [4, с. 50]. А позже выносит себе приговор: «<...> тогда разложение было в полном ходу, царило презрение к нравственным устоям, все это казалось смешно, казалось, что все рухнуло. <...> Мы ведь все предали – родину, культуру». «А как можно было не предать?» – спрашивает С.Г. Бочаров. «Погибнуть», – отвечает М.М. Бахтин [4, с. 68–69].

Отчет безжалостный: умереть, погибнуть. Как умерли и погибли многие его современники, все его собеседники – Л.В. Пумпянский, М.И. Каган, П.Н. Медведев, М.В. Юдина...

Он разговаривал в Большом времени с погибшими!

И сам, скрываясь, уходя во внутреннюю эмиграцию, он себя всякий раз убивал, закрывал рот.

И только в начале 1970-х годов вновь заговорил. Воскрес как Автор. Он пережил свой праздник Возрождения, который встретил без особой радости. В метафизическом одиночестве.

Что мы видим на этом фоне?

Внешне-биографически ему, казалось бы, повезло. Мы имеем уже несколько попыток создания биографии М.М. Бахтина – К. Кларк и М. Холквист, Г.С. Морсон и К. Эмерсон, Н.В. Паньков, А.В. Коровашко (последний прецедент приходится называть сугубо по факту появления, но не по факту значимости и точности проникновения). Также мы имеем многочисленные воспоминания современников, рассказы, статьи исследователей, публикации документов.

И что пока получается? При безусловной огромной благодарности к биографам, исследователям, вложившим душу в свои изыскания, я бы отметил главное.

У западных авторов сильно выражен тот самый момент их собственного домысла, попытки выстраивания жизни Героя под свой замысел, свой конструкт. Вот авторы биографии вознамерились написать биографию русского философа. Они выстраивают свою проекцию. Причем именно из уважения к своему Герою, пытаясь исходить из его собственных идей и сочинений, обильно цитируя его труды, демонстрируют знание документов и энциклопедизм. Но в итоге в таких попытках М.М. Бахтин предстает не самим собой, а их проекцией, носителем их идей.

Например, Г.С. Морсон и К. Эмерсон решили не просто представить философию и жизнь М.М. Бахтина, но предложили ее

осмыслить через свою концепцию философии обыденного, повседневного, предложили даже понятие-конструкт «прозаики личности» на материале жизни и наследия философа [10]. А свой метод достраивания они выстраивали, используя работы философа, беря их как материал, подтверждающий их концепт, тем самым домысливая саму личность героя, не замечая, как уплывает эта личность у них из-под рук, из-под пера, и застится свет творения, и затуманивается его исток.

Попадая в ситуацию дефицита документов (который будет всегда, особенно в случае с такими авторами, как М.М. Бахтин), исследователи начинают достраивать, домысливать, додумывать его, рассматривая не его как собеседника, а беря его тексты как материал, закрывая документальные лакуны и пустоты своими конструктами и проекциями, попадая в капкан вненаходимости своего Героя. Он ведь невыводим из Э. Гуссерля, хотя и выстраивал феноменологический метод. И невыводим из М. Шелера, хотя создавал свою философскую антропологию. Невыводим из С. Кьеркегора, будучи экзистенциальным мыслителем.

В таком случае, что нужно делать, чтобы воссоздать душевный мир Героя? В ситуации нехватки, неполноты и неточности документов образовавшиеся пустоты домыслом не закроешь.

Необходима глубинная, радикальная, феноменологическая редукция себя и погружение во Время, причем в то конкретное Время Героя и конкретное Место его, в его присутствие. Нужно попадание в его место. Ведь «бытие имеет место», говорил М. Хайдеггер.

Точнее, надо встать рядом с ним, чтобы стать его свидетелем, попутчиком, гидом и начинать видеть происходящее его глазами, дышать одним с ним воздухом. Быть не соглядатаем, не наблюдателем, а свидетелем-путником, идущим рядом с ним.

Пример этого показал сам М.М. Бахтин. Что он делал в разговорах с В.Д. Дувакиным? [2] Его собеседник, замечательный специалист и знаток В. Маяковского, многого, однако, не знавший, задавал вопросы. Как ему отвечал М.М. Бахтин? Он своей особой интонацией буквально погружал его в то время. Мы, читая и следя за неспешным Разговором, начинаем чувствовать ту атмосферу, видеть то время его глазами, начинаем принимать все, что он говорил, принимать то время и тех героев, его собеседников и друзей.

Мы видим его Время его глазами притягивания и сочувствия, без оценок и холодного учета, принимая судьбу целиком, себя при этом никак не показывая. Мы видим то время как есть. Это теперь мы начинаем видеть его дело знающим зрением знатоков, точнее, загруженным, интеллектуальным зрением, глазами его сочинений, глазами «Философии поступка», «Автора и героя...». А он сам говорил о том времени с особой интонацией притягивания, самоощущения того времени, как он себя тогда ощущал, показывая миро- и самоощущение того времени. Говорил о том времени и о людях, погибших и ушедших для нас, а для него всегда живших и остающихся для него всегда живыми собеседниками, забывая про свои сочинения, принимая на себя тот самый принцип «себя-исключения», на котором обрывается его рукопись «Философии поступка». Он сам становился в тех разговорах свидетелем времени [см.: 1; 8].

В таком случае ясным становится ответ на вопрос – когда необходима научная биография? Зачем нам, ныне живущим, научная биография М.М. Бахтина? Известный отечественный философ Э.Ю. Соловьев отмечал, что для историка философии и культуры однажды возникает ситуация, когда необходимо совершить обратный ход: историю понимать через призму конкретной личности. Мы привыкли историю понимать в логике закономерностей, в логике исторического процесса, в котором личности нет. Но возникают ситуации, когда мы хотим увидеть историю в лицах. В таких случаях историко-философское исследование нуждается в обратной проблематизации той или иной концепции, когда необходимо проверить саму концепцию в ее истоке – в истоке творения ее личностью автора [9, с. 45–46].

И тогда, полагает Э.Ю. Соловьев, рождается запрос на биографию философа, предмет которой заключается в том, чтобы понять социокультурную ситуацию с точки зрения ее уникальности, событийности, самоосуществления личности философа.

Зачем в таком случае нам научная биография М.М. Бахтина? Есть же его сочинения, воспоминания о нем. Или мы хотим получить от него самого какой-то отклик? Если он наш постоянный собеседник, то какое свидетельство мы хотим от него услышать? Помогает ли он нам понять самих себя, сегодняшних? Помогает ли

он нам понять время, если мы обращаемся к нему, нашему постоянному судии и свидетелю?

Или стремление написать научную биографию является следствием нормального академического интереса?

М.М. Бахтин относится к тем редким авторам, которые всякий раз проверяют тебя на вшивость и на всхожесть, на твое последнее слово, на то, чтобы ты не искал в своих интеллектуальных изысках «лазейки», не прятался за чужим словом и не закрывался чужим свидетельством. Он проверяет тебя, в тебе проверяет твоего подпольного человека. В ситуации, когда вокруг рычит подполье, М.М. Бахтин необходим для новой духовной чистки, чтобы вновь наступил новый праздник Возрождения.

Список литературы

1. *Аванесов С.С., Смирнов С.А., Спешилова Е.И.* Человек у зеркала: антропология автобиографии. СПб.: Алетейя, 2021. 638 с.
2. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным / вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. В.В. Кожина; коммент.: Ф.Д. Ашнин, А.М. Кузнецов, Л.С. Мелихова, Н.И. Николаев, А.С. Шатских. М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. 342 с.
3. *Бибихин В.В.* Сила мысли // *Сафрански Р.* Хайдеггер. Германский мастер и его время. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 5–17.
4. *Бочаров С.Г.* Об одном разговоре и вокруг него // Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В.Л. Махлина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 47–79.
5. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.
6. *Мандельштам О.* Слово и культура. Статьи. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.
7. *Пастернак Б.* Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. М.: Искусство, 1990. 399 с.
8. *Смирнов С.А.* Михаил Бахтин: возрождение автора // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). С. 79–99.
9. *Соловьев Э.Ю.* Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры. М.: Политиздат, 1991. 432 с.
10. *Morson G.S., Emerson C.* Mikhail Bakhtin. Creation of a Prosaics. Stanford: Stanford University Press, 1990. 530 p.

References

1. Avanesov, S.S., Smirnov, S.A., Speshilova, E.I. *Chelovek u zerkala: antropologiya avtobiografii* [*Human before Mirror: Anthropology of Authobiography*]. St Petersburg, Aleteiya Publ., 2021, 638 p. (In Russ.)
2. *Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym* [*Conversations of V.D. Duvakin with M.M. Bakhtin*], introd. article by S.G. Bocharov and V.V. Radsichevskii, comment.: F.D. Ashnin, A.M. Kuznetsov, L.S. Melikhova, N.I. Nikolaev, A.S. Shatskikh. Moscow, Izdatel'skaya gruppa "Progress" Publ., 1996, 342 p. (In Russ.)
3. Bibikhin, V.V. "Sila mysli" ["Power of Thought"]. Safranski, R. *Hajdegger. Germanskii master i ego vremena* [*German Master and His Time*]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2002, pp. 5–17. (In Russ.)
4. Bocharov, S.G. "Ob odnom razgovore i vokrug nego" ["About One Conversation and Around It"]. *Mikhail Mikhailovich Bakhtin*, ed. V.L. Makhlin. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 47–79. (In Russ.)
5. Lotman, Yu.M. *Sotvorenie Karmazina* [*Creation of Karamzin*]. Moscow, Kniga Publ., 1987, 336 p. (In Russ.)
6. Mandel'shtam, O. *Slovo i kul'tura. Stat'i* [*Word and Culture. Articles*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987, 320 p. (In Russ.)
7. Pasternak, B. *Ob iskusstve. "Ohrannaya gramota" i zametki o hudozhestvennom tvorchestve* [*About Art. Safeguard and Notes on Artistic Creation*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990, 399 p. (In Russ.)
8. Smirnov, S.A. "Mikhail Bakhtin: vozrozhdenie avtora" ["Mikhail Bakhtin: The Author's Revival"]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(54), 2021, pp. 79–99. (In Russ.)
9. Solov'ev, E.Yu. *Proshloe tolkuet nas. Ocherki po istorii filosofii i kul'tury* [*The Past Interprets Us. Essays on the History of Philosophy and Culture*]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 432 p. (In Russ.)
10. Morson, G.S., Emerson, C. *Mikhail Bakhtin. Creation of a Prosaics*. Stanford, Stanford University Press, 1990, 530 p. (In English)